

Николай КОНЯЕВ

г. Санкт-Петербург

**ОРГАНИЗАТОР
ЛИТЕРАТУРНЫХ СУДЕБ**

От редакции:

Вадим Валерианович Кожин (1930–2001) – советский и российский критик, литературовед, философ, публицист, историк. Автор более трех десятков книг, посвященных вопросам теории литературы, русской литературе XIX века, современному литературному процессу, в первую очередь – поэзии, истории России. В.В. Кожин добился публикации трудов М.М. Бахтина – «Проблемы поэтики Достоевского» и «Творчество Франсуа Рабле» – в первой половине 60-х годов, принял активное участие в их изучении и популяризации.

Публикуемые заметки написаны Николаем Коняевым для готовящегося к выходу сборника воспоминаний о Вадиме Кожине.

ВОКРУГ «ГАВДАРЕИ»

Я познакомился с Вадимом Валериановичем Кожинным в 1976 году.

Петр Кошель дал ему тогда прочитать мою «Гавдарею», и Кожин повести понравилась.

Кошель передал, что Вадим Валерианович предлагает напечатать «Гавдарею» в петрозаводском журнале «Север», убрав несколько кусков и попросив написать предисловие Валерию Дмитриевичу Пришвину. Для этого мне надо приехать в Москву...

Хроника «Гавдарея» была первой моей большой прозаической повестью, написал я ее в 1974 году и уже два года безуспешно пытался опубликовать ее.

Разумеется, я не стал медлить и – я жил тогда в Минске – немедленно отправился в столицу нашей Родины.

Насчет Вадима Валериановича Кожина всё оказалось верным.

Кожинов действительно прочитал «Гавдарею», и «Хроника» (тогда жанр ее назывался «романом») понравилась ему, но вот с планами публикации в «Севере» всё было сложнее. Оказывается, и о публикации, и о предисловии Валерии Дмитриевны Вадим Валерианович говорил предположительно...

Это выяснилось, когда Петя Кошель из телефонной будки на Тверском бульваре позвонил Вадиму Валериановичу. Тот удивился моему неожиданному появлению в Москве, но Кошель все-таки уговорил его встретиться, и мы пошли к нему на квартиру.

У Кожина сидел Юрий Поликарпович Кузнецов.

Они собирались в чебуречную отметить выход в серии «Писатели Советской России» брошюры Кожина «Николай Рубцов». Видимо, еще и поэтому пытался он отсрочить нашу встречу.

В результате мы пошли в чебуречную все вместе.

За обедом выпивали.

Вадим Валерианович говорил о том, что «Гавдарея» представляется ему весьма интересным и значительным произведением, я кивал, свыкаясь с мыслью, что ни о какой публикации хроники речи пока нет.

Эти переживания и заслонили впечатления и от завязавшегося за столом разговора о книге М.М. Бахтина «Вопросы эстетики и литературы», вышедшей тогда в «Художественной литературе», и от Юрия Поликарповича Кузнецова, которого я видел тогда впервые, и от самого Вадима Валериановича и его жены Елены Владимировны Ермиловой.

Сейчас и самому трудно поверить, но, кроме досады и разочарования, от встречи я ничего тогда не испытал.

Более того...

Досада эта наложилась и на дальнейшие отношения с Вадимом Валериановичем, который, вместо того чтобы заниматься более важными и полезными для себя делами, тратил силы, чтобы пристроить куда-нибудь меня и мою «Гавдарею».

Он действительно подключил к хлопотам и Валерию Дмитриевну Пришвину, и по его совету, приехав на осеннюю сессию в Литинститут, я ездил в Дунино, чтобы поблагодарить Валерию Дмитриевну за участие.

Впечатления и от Валерии Дмитриевны, и от Дунино остались незабываемые. Облетали последние листья в звенигородских лесах, звенящий ледок уже не таял по утрам за окнами дунинского дома, и странное, и чудное возникало ощущение, что всё здесь – лес, река, поле,

сам этот одиноко стоящий дом встают передо мною, как цитата из Пришвина, как отрывки из его сосредоточенных и счастливых книг.

Я даже написал под влиянием этой поездки статью «Искусство как поведение», тогда же и опубликованную в журнале «Север», но публикацию «Гавдареи», ради которой было затеяно всё это, не ускорило и ходатайство Валерии Дмитриевны.

Больше месяца я кромсал по замечаниям И.К.Рогощенкова* хронику, пытался отстоять хотя бы козла Борьку, но в начале 1997 года получил от В.В. Кожина письмо-ультиматум:

«Дорогой Николай! Глубоко Вам сочувствую и желаю в Новом году развеяния бед.

Что касается «Гавдареи», призываю Вас согласиться и убрать козла. Вы совершенно ошибочно полагаете, что козел – Ваша удача. В нем слишком много дешевого анекдотизма. Я не хочу сказать, что такого рода образ вообще обречен на неудачу, но у вас он, ей-богу же, не получился. «Гавдарея» – т.е. место обитания козла – это чисто формальное название романа (хроники).

Очень советую Вам совсем отказаться от Борьки и, видимо, переименовать хронику. В конце концов, Вы можете издать ее с подзаголовком «Главы из хроники».

И.К. Рогощенков, который пробивает вещь, лично (а не страха ради иудейска) неудовлетворен «козловой линией» и защищать ее ни в коем случае не будет.

Словом, решайтесь – и вещь опубликуется. А «Север» известен даже за рубежом.

*Всего Вам доброго, напишите мне. В. Кожин
6 января 1977 года».*

Зачем печатать хронику без главной линии и под другим названием в журнале, который «известен даже за рубежом», я не понимал, но мысль о «главах» заставила меня пойти и на эту невозможную уступку.

Впрочем, переживал я совершенно напрасно. И без «козловой линии» редсовет благополучно «зарубил» хронику.

Надо сказать, что нашему поколению родившихся в первое десятилетие после войны как-то фатально не везло с пробиванием – другого слова тут не подберешь! – своих первых публикаций.

* Иван Константинович Рогощенков заведовал тогда отделом критики и был членом редколлегии журнала «Север».

Впрочем, иначе и быть не могло.

К началу семидесятых, когда мы начали писать серьезные вещи, на все руководящие должности в Союзе писателей сели фронтовики. Они же возглавили практически все журналы и издательства.

Люди это были, разумеется, чрезвычайно достойные, но они обладали воистину поразительной сплоченностью в умении до последнего отстаивать как свои эстетические идеалы, так и должности.

Предшествовавшее нам поколение успело проскользнуть, пока фронтовики еще не закрепились на руководящих высотах, но наша атака была обречена.

Возле этих маститых и героических дяденек нам полагалось ходить в коротких штанишках, хотя мы уже приближались к тридцатилетнему рубежу.

Вадим Валерианович Кожин, обладавший поразительным чувством живого литературного процесса, принадлежал к предвоенному поколению, но несправедливость этой ситуации чувствовал и, как мог, противостоял ей.

После провала в «Севере» Кожин показывал мою «Гавдарею» самым различным людям и, пожалуй, прикладывал усилий к ее пробиванию не меньше, чем я сам, но всё безуспешно. Возможностей и у Вадима Валериановича (продолжалась героическая литературная оборона нашими фронтовиками идеалов эпохи развитого социализма!) было тогда не так много.

Разумеется, с годами литературная судьба моя кое-как устроилась, и, хотя «Гавдарея» и романы «Пригород» и «Заводское поле» продолжали лежать в столе, вышли сборники рассказов, я перебрался в Ленинград, где меня приняли в Союз писателей, и к началу перестройки я был уже вполне преуспевающим литератором.

С Вадимом Валериановичем всё это время мы поддерживали отношения, пусть и не такие теплые, как в первые годы знакомства.

И вот в самом начале 1990 года Кожин сам позвонил мне. Мы поговорили об успехах русского движения, потом Вадим Валерианович сказал, что он стал теперь очень влиятельным человеком в «Нашем современнике».

Надо сказать, что звонил Вадим Валерианович по своей инициативе крайне редко и поэтому звонок его хотя и обрадовал меня, но и напряг. Конечно, русское движение делало успехи в Москве, но в Ленинграде эти успехи проявлялись в основном в каком-то карикатурном виде.

Впрочем, Вадим Валерианович собирался поговорить о другом.

Совершенно неожиданно для меня он спросил, в каком положении находится моя «Гавдарея».

Я ответил, что она лежит там же, где уже привыкла лежать, в моем столе.

– Пришлите ее в «Наш современник»... – сказал Кожин.

На этот раз «Гавдарея» была напечатана.

Конечно, семнадцать лет задержки с публикацией не такой уж и великий срок в нашей стране, но несчастливая звезда продолжала сопровождать «Гавдарею» и на ее выходе к читателю. Хроника напечатали в летних номерах и завершили публикацию в августе 1991 года, когда Борис Николаевич Ельцин, вскарабкавшись на танк, зачитывал свои указы-приговоры нашей стране.

Впрочем, может быть, я и напрасно печалюсь о несвоевременности публикации «Гавдареи».

Недавно я прочитал в одной критической статье*:

«Завершающим творчество Н.Коняева 70-х – начала 90-х годов, на мой взгляд, можно считать повесть-хронику «Гавдарея» («Наш современник», 1991, № 6 – № 8), получившую премию журнала. (Кстати сказать, почти все произведения Н.Коняева были отмечены той или иной премией.)

Почти до середины повести не могла я разгадать смысл её названия. Что такое Гавдарея? Или, может быть, кто такой? Однако, как и следовало ожидать, разгадка появилась. В третьей главе, которая имеет название: «Борька из Гавдареи». Борька, или Борис Георгиевич, – это персонаж весьма значительный. Местный Заберегский и Вознесихинский козел, пользующийся всеобщим дружеским расположением. А жил он «в гавдарее – забранном нестругаными досками пространстве между землей и лестницей, ведущей в орсовскую лавку».

Козла этого случайно пристрелили. А когда все собрались на поминки, то первейший друг Бориса учитель Кешка Сутулов определил его значение. «Хоть и не строил Борька социализма, зато построил гавдарею, что в духовном плане одно и то же, такое же общество без классов со всеобщим равенством и правом каждого быть вместе со всеми против каждого по отдельности...»

Мучительны размышления людей, которые не могут понять, что же случилось с ними. Врач

* Татьяна Батурина. На пути к тому берегу. Невский альманах, №4, 2009.

Прохоров записывает в своем дневнике: «Не знаю, что исчезло в здешней жизни, но чего-то главного нет. Есть талантливые, сильные, смелые люди, есть удивительная, богатейшая природа, но всё идет так, словно эти люди живут, мучаясь. От собственного таланта и от того богатства, которое вокруг них... Какой болезнью, каким вирусом поражены эти люди? Какая злая сила проникла в них, что живут они, словно бы и не замечая самой жизни?»

Вспомним, что «Гавдарея» печаталась в июне, июле, августе памятного девяносто первого года. Пытаясь мысленно ответить на поставленный писателем вопрос, вспоминаешь демонстрируемую тогда телевидением группу людей, сидящих за столом 19 августа 1991 года. Руководство СССР, кроме президента. Эти люди собирались изменить течение жизни. Лица были разные, но взгляд у всех – растерянный, обреченный. Это был весьма выразительный символ бесперспективности всех начинаний власти, устроившей бунт против самой себя. Вирус болезни, поразившей души...»

Что ж...

Наверное, возможно и такое прочтение «Гавдареи», связывающее текст повести с событиями, на фоне которых была осуществлена публикация ее.

Другое дело, что возможность такого прочтения возникла в прямом соавторстве с Вадимом Валериановичем Кожиновым.

ЛИТИНСТИТУТСКИЕ ПЕРЕДРЯГИ

Рассказывая о своих отношениях с Вадимом Валериановичем, я могу показаться нескромным, но иначе не удастся продемонстрировать механику кожиновского участия, которое осуществлялось не только на словах, но и в конкретном деле, в конкретных поступках.

Вадим Валерианович искренне пытался помочь мне – в Минске я жил в рабочем общежитии! – переехать в Москву.

Совершенно точно уверен я, что только благодаря заступничеству Вадима Валериановича меня не выперли в 1978 году из Литературного института за мои контрольные работы.

Тогда на мою курсовую работу, посвященную разбору письма В.Г. Белинского Н.В. Гоголю, один наш приторно-либеральный преподаватель откликнулся такой рецензией:

«С замахом первооткрывателя Н.Коняев дает абсолютно искаженную картину отношений Белинского к Гоголю. Не понимая истинной сути эстетической позиции Белинского, автор пишет о великом критике в тоне недостойном, оскорбительном для его памяти. Не могу представить себе, как такое могло быть написано студентом IV курса Литературного института им. Горького! По содержанию и направлению своему эта курсовая работа может быть оценена как неудовлетворительная. Текст этого сочинения будет храниться в институте».

С подачи этого «либерала-стукача» в институте очень крепко взялись за меня.

Помню, я приехал в мае на сессию и только вошел в деканат, как меня сразу повели к ректору.

И Владимир Федорович Пименов сразу же принял меня.

Тут же – я даже как-то зауважал себя! – в кабинет вошли Галанов и секретарь парткома.

Галанов пришел с папкой, в которой лежали все мои контрольные. Их разложили на столе, и началось чтение. Галанов зачитывал абзац и смотрел на секретаря парткома.

– Очень нехорошая мысль... – говорил тот.

– Да-да... – кивал Пименов. – Не наша мысль.

– Это очень антисоветская мысль... – говорил Галанов и читал следующий абзац.

Чтение это – самоуважение просто переполняло меня! – длилось более часа.

Потом дали слово мне.

Я сказал, что, возможно, я и ошибаюсь, но я ведь посылал контрольные не на радиостанцию «Голос Америки», а в советский институт, где учусь, и задача преподавателей в том и состоит, чтобы обратить внимание на мои ошибки, если таковые имеются в контрольных работах...

Столь разумная речь «антисоветчика» явно удивила моих судей.

Видимо, по сценарию Галанова и Пименова я должен был говорить нечто другое, и сейчас они недоуменно смотрели друг на друга. Тем более что секретарь парткома сразу вцепился в эту мысль и начал говорить о совершенствовании идеологической работы, о повышении идеологического уровня преподавательского состава и прочей муре.

Как бы то ни было, но выгнать меня сразу не удалось.

Я был отпущен сдавать экзамены.

И вот как-то так получалось, что хотя билеты на экзаменах мне попадались именно те, которые я прекрасно знал, хотя и отвечал я вполне прилич-

но, но почему-то эти ответы оценивались – совершенно небывалое в Литературном институте дело! – неудовлетворительными оценками.

Вот тогда и спас меня Вадим Валерианович.

Встретив в ЦДЛ одного из моих преподавателей, он начал рассказывать ему, дескать, какой позор, талантливого студента Коняева изгоняют из института, как когда-то изгоняли Николая Михайловича Рубцова.

В конце семидесятых еще велика была власть партноменклатуры, но власть общественного мнения в среде интеллигенции была намного сильнее.

Мой преподаватель после этих слов Кожинова забормотал о возмутительности подобного явления, как-то съезжился и пропал...

Историю эту мне рассказал сам Вадим Валерианович, но у меня она не вызывает никаких сомнений, потому что через день, когда я пришел в институт за четвертой двойкой, все волшебным образом переменялось на экзамене.

И словно специально, чтобы продемонстрировать эту перемену, мне попался билет, в котором ни по первому, ни по второму вопросу я не мог ничего сказать ввиду своего абсолютно полного незнания этих вопросов...

Конечно, на четвертом курсе Литературного института любой студент приобретает опыт «окологоворения», но на этой сессии я уже трижды наблюдал, как мои «пятерочные» ответы превращались в неудовлетворительные, и вот теперь мне выпало понаблюдать, как усилиями преподавателя крепкая, непрошибаемая двойка превращается – боже мой! – в четверку.

В результате я удержался в институте.

Четвертую двойку я не получил, а затем, исправив предыдущие двойки, все-таки остался студентом Литературного института...

КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ

Сейчас, перебирая старые письма и разбирая дневниковые записи, я порою сам не могу поверить, что мог вести себя так, как порою вёл. Видимо, очень уж сильным было напряжение жизни в рабочем общезитии, вывести из себя мог любой пустяк.

Летом 1979 года я получил письмо от В.В. Кожина.

«Дорогой Николай! Обращаюсь к Вам (впервые!) с просьбой. В Минском изд-ве 200-тысячным тиражом только что вышел «Князь Серебряный» А.К. Толстого. Мне очень нужна эта книга (для дочери). Уж, пожалуйста, достаньте мне ее и пришлите. Как дела с «Литературной Россией»? Всего Вам доброго. Вадим Кожин».

Ничего обидного в просьбе Кожина не было.

Но, взяв конверт с его письмом в руки, я ждал, наверное, найти там сообщения о своих делах в той же «Литературной России», посулившей напечатать рассказ «Такой ветер», и, не обнаружив ничего интересного – в таком состоянии я тогда находился! – обиделся и тут же написал в ответ, что книгу «Князь Серебряный» в Минске продают только на талоны за макулатуру, но, разумеется, я сдам в макулатуру свои рукописи и обязательно куплю этот роман для Вадима Валериановича.

Бог знает, что я сам с собою делал тогда!

Вадим Валерианович рассердился, конечно.

И тем не менее, когда 30 ноября того же года «Литературная Россия» напечатала мой рассказ «Такой ветер», врезка к нему была написана Вадимом Валериановичем Кожиним:

«Николай Коняев родился в 1949 году в городке Вознесенье у Онежского озера, последние годы живет в Минске. Был участником Ленинградского и VII Всесоюзного совещаний молодых писателей. Написал много и не так уж мало опубликовал, но главным образом в местных или молодежных изданиях. У меня нет сомнений, что Николай Коняев вскоре займет весомое место в литературе. Лучшие страницы его прозы органичны, значительны, своеобразны. В рассказе, который предлагается вниманию читателей, есть, между прочим, тема современной техники, к освоению которой горячо призывают сейчас многие критики. Но замечательно, что, читая рассказ, об этом, в сущности, не думаешь. Не думал об этом, вероятно, и сам автор. И техника вдруг предстала не как средство «осовременивания» прозы, но как основа ее лиризма».

Врезка эта, хотя она и написана в жестких рамках «врезочного» жанра, но написана живо и с глубиной, которая не предусматривается в подобного рода сочинениях...

Ну а про доброту и великодушие тут, конечно, и говорить не приходится.

НА ПОВОРОТЕ ДАЛЬНЕГО ПУТИ

Правильно ли я делаю, что, вспоминая о Кожинове, ограничиваюсь в основном деловыми отношениями?

Не знаю...

Много лет назад я услышал от самого Вадима Валериановича посвященные ему стихи и до сих пор продолжаю дивиться непревзойденной и, я бы сказал, беспощадной точности нарисованного Юрием Поликарповичем Кузнецовым портрета:

*На повороте дальнего пути,
У края поражения или победы,
Меня еще успели вознести
Орлиные круги твоей беседы.*

*Открылись широта и рубежи,
Уступы переливчатой природы,
Парение насмешки и души
В тумане мировой полукультуры.*

*Ноздрёвский жест, неверная струна,
Бредущая из юности по следу.
Могучая оглядка Бахтина
Отметила молчанием беседу.*

*А сколько лиц! А сколько голосов!
Ты промотал полжизни, не сучая.
Как пауза Владимир Соколов
Возникнул, ничего не обещая.*

*Не сосен шум твой тонкий слух привлек –
Рубцовский стих угрюмо шевельнулся.
Но звук угас, как золотой намек...
И Передреев горько усмехнулся.*

*Я слышал гул твоих былых страстей
Из твоего початого стакана.
И ты сказал: – Чем старше, тем сильнее... –
И я услышал рокот с океана.*

Конечно же, нетрудно припомнить, как и меня возносили «орлиные круги» кожиновской беседы, конечно же, и мне открывались тогда «широта и рубежи»... И «ноздрёвский жест» Кожинова можно припомнить, и «неверную струну», и «початый стакан»... И рокот с океана тоже, разумеется, различался в затягиваемом хмелем сознании...

Другое дело, что хотя сейчас об этом и вспоминают многие, но пока никто не описал это ёмче и точнее Кузнецова.

Поэтому мне и хотелось бы рассказать немножко о другом...

Сейчас мне больше лет, чем было в конце семидесятых Вадиму Валериановичу, и, выверяя свои слова собственным опытом работы с молодыми писателями, ответственно могу заявить, что столько сил, сколько вкладывал в это дело Кожинов, вложить просто невозможно.

Может, и время тому причиной, но скорее все-таки дело в характере Вадима Валериановича, а еще вернее, в его таланте к организации литературных судеб...

Юрий Кузнецов, Анатолий Передреев, Юрий Селезнев...

Да что говорить про них, если – я убежден в этом! – и общественная судьба такого мыслителя, как М.М. Бахтин, или посмертная судьба такого гения, как Н.М. Рубцов, тоже сложились бы без участия Кожинова иначе и почти наверняка менее успешно...

И вот что очень важно...

Кожиновский талант к организации литературных судеб проявлялся не просто незаметно для объекта, на который был обращен, но зачастую неосознанно и для самого Вадима Валериановича.

Лично я обязан общению с Вадимом Валериановичем Кожиновым двумя своими книгами.

Разумеется, создавались они без какого-либо присмотра и подсказок с его стороны, но изначальный толчок был дан именно Кожиновым, и, если бы не было этого толчка, может быть, не было бы и самих этих книг.

Речь идет о книгах, посвященных жизни, творчеству и судьбе Николая Михайловича Рубцова и Дмитрия Михайловича Балашова.

С книгой о Балашове всё просто...

Однажды В.В. Кожинов рассказал о писателе Дмитрии Балашове, которого необходимо было поддержать, поскольку на него завели уголовное дело и должны были судить его, хотя он никакой не преступник, а настоящий русский писатель и большой ученый-фольклорист...

Я написал тогда статью «И скорбь и слава» и тогда же и опубликовал ее.

Никаких особых откликов статья эта не вызвала, и я позабыл про нее, чтобы вспомнить четверть века спустя, на кладбище, где хоронили Дмитрия Михайловича. Тогда статья и начала превращаться в книгу о Балашове, которую издательство «Алгоритм» выпустило под заголовком «На плахе».

В книге этой Вадим Валерианович никакого участия не принимал, но не было бы его просьбы-поручения написать статью о Балашове, не было бы и книги.

Точно так же, как без Вадима Валериановича наверняка не было бы и моей книги о Николае Михайловиче Рубцове, которая вышла недавно уже 23-им изданием.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КОМПОЗИЦИЯ

Первый раз я прочитал стихи Николая Рубцова в самом начале семидесятых, когда с одинаковым увлечением читал прозу Алексея Ремизова и Михаила Булгакова, Александра Солженицына и американскую фантастику, Александра Твардовского и Исаака Бабеля, стихи Осипа Мандельштама и романы Михаила Шолохова. И всё же и в том неразборчиво-беспорядочном чтении Рубцов не смешивался ни с кем.

Я не сравнивал – кто больше...

Рубцов был ближе...

Об этом и сказал я, когда Вадим Валерианович попросил меня рассказать пришедшим к нему молодым актерам о том, как я, человек другого поколения, воспринимаю стихи Рубцова.

Мысль о том, что Рубцов – ближе всех, понравилась Кожинкову.

– А вот вы и напишите для них пьесу... – сказал он, потому что разговор с пьесы и начался.

– Как же я напишу пьесу, если у меня нет никакого материала? – сказал я. – Я только стихи Рубцова и знаю да еще то, что его убила женщина...

На этом разговор и закончился, а через несколько дней, когда я позвонил Вадиму Валериановичу, он сказал, что я могу на пару дней взять у него рукопись сборника воспоминаний о Рубцове, которую ему прислали на внутреннюю рецензию.

В ту ночь в холодной комнате литинститутской общаги, не отрываясь, от начала до конца проглотил я всю объемистую рукопись.

Присутствовал тут и профессиональный интерес – я уже зажегся идеей литературной композиции по биографии и стихам Рубцова – но еще больше было щемяще-жуткого узнавания.

Узнавалось всё...

Тонущая в заснеженной грязи дорога на Вологду и заросший травой купол церкви...

Сырые питерские переулки и мрачные бараки Липина Бора...

Шумные московские пивные и темные омуты Толшмы...

И понятно было, что знание пейзажа и обстоятельств – из рубцовских стихов, но эта простая и такая очевидная мысль тут же исчезала, растворяясь в щемяще-томительном узнавании.

Словно в омут, затягивало в рубцовскую судьбу.

Литературную композицию для актеров, приходивших к Вадиму Валериановичу, я написал. Можно было бы написать и о судьбе этой композиции, но это уже совсем другая история.

Мои отношения с Рубцовым не завершились на литературной композиции 1979 года...

СТРАНИЦЫ ДНЕВНИКА

Как-то так получилось, что материал, связанный с Рубцовым, не только не забывался, как происходит, когда работа завершена, а напротив, хотя я и не прикладывал никаких усилий, разрастался и тяжелел, мешая другой работе.

Происходило это не сразу, а на протяжении десяти лет, и когда я все-таки написал книгу о Рубцове «Путник на краю поля», Вадим Валерианович уже успел позабыть, что это он и был по существу инициатором этой книги.

Позволю себе привести несколько дневниковых записей конца 1990 – начала 1991 года....

28 ноября 1990 года. Выборы в ЦДЛ

Живу в Переделкино.

С утра поехал в Центральный Дом литераторов. Кандидатов на пост председателя совета МО СП РСФСР трое: Ал. Михайлов, В. Гусев, В. Смирнов.

Владимир Иванович Гусев, выступая, объяснил, что он не «новый Керенский» и нет у него ни административного самолюбия, ни административной программы, однако есть «врожденная добросовестность».

Еще довольно умно и правильно он говорил, что Союз писателей нужен как профсоюз, который вне зависимости от возраста, политических и иных убеждений и национальной принадлежности «защищал бы своих членов от ветров эпохи».

Впрочем, я в зале сидел немного...

Когда Владимир Бондаренко начал возмущаться с трибуны, что в ЦДЛовском ресторане все места занимают мафиозные дельцы и проститутки, я пошел посмотреть на этих мафиози.

Разочарование полное.

С виду – самые обычные московские писатели, причем некоторых я даже и знаю.

Пообедав, занялся поисками С.Ю. Куняева, обладающего способностью растворяться прямо на глазах. Всё-таки поймал его и узнал, что «Гавдарею» он всё еще не читал.

Я не стал напоминать ему, что он читал «Гавдарею» еще в семидесятые годы.

Поговорил с Сергеем Лыкошиным о «Рубцове».

– Надо его в «Молодой гвардии» в серии «ЖЗЛ» выпустить... – посоветовал он.

– Но с тех пор, как ты ушел из «ЖЗЛ», я никого там не знаю.

– Я поддержу... – сказал Лыкошин и тут же добавил. – Только надо бы у Кожина отзывать... Договоришься?

Ну, а почему бы мне не договориться с Вадимом Валериановичем Кожинным, если это он, собственно говоря, и «благословил» меня еще в 1979 году заниматься Рубцовым?

Между тем за разговорами и встречами выбрали Владимира Ивановича Гусева председателем совета МО СП РСФСР, хотя и против него (273) проголосовало писателей больше, чем «за» (255).

3 января 1991 года. Годовщина

Очень странный разговор по телефону с Вадимом Валериановичем Кожинным.

Я спросил его о возможности публикации моей книги про Николая Рубцова в «ЖЗЛ», и Кожиннов замаялся.

– Вы считаете, что книга не подходит для этой серии?

– Нет, почему же... – ответил Вадим Валерианович. – Хотя по объему она, конечно, маловата...

– Ну объем можно и увеличить...

– Можно... – согласился Кожиннов.

И как-то провис у нас разговор, какая-то недоговоренность осталась, но что еще нужно сказать, я не сообразил.

Условились, что во вторник, 8 января, я заеду к Кожиннову, и простились.

И только повесив трубку, я сообразил, что сегодня годовщина со дня рождения Николая Михайловича Рубцова.

8 января 1991 года. Отзыв

Днём ездил к В.В. Кожиннову. Отзыв на моего «Рубцова» для «ЖЗЛ» он написал, но как-то сухо, вато, без эпитетов.

Немного поговорили о жизни, но скучно. Воодушевился Кожиннов во время разговора только раз, когда начал рассказывать об исторической книге, над которой работает.

Уходил я с явным ощущением, что моя просьба написать отзыв на «Рубцова» Вадиму Валериановичу не понравилась.

Вечером заходил к Алле Александровне Андреевой. Пил чай и смотрел на открыточно-добрые, как в детстве, кремлевские звезды в ее окне.

9 января 1991 года. Музей игрушек

Утром позвонила Лариса Баранова-Гонченко.

Сказала, что Вадим Валерианович Кожиннов выдвинул мою книгу «Пригород» на премию Товарищества русских художников и мне надо прислать в Союз писателей РСФСР 12 книг.

Ездили с Мариной в Загорск.

В монастырь не ходили.

Весь день провели в Музее игрушки, разыскивая те, которыми играли царские дети.

Игрушки потрясающие. Некоторые – вроде заводных картин! – я и представить не мог, что существуют такие...

11 января 1991 года. Договор на Рубцова

Был сегодня у Лыкошина в СП РСФСР, рассказал о своих хлопотах с «Рубцовым», показал отзыв В.В. Кожина.

– Суховато как-то... – сказал я.

– Пойдёт... – сказал Лыкошин, пробежав глазами текст. – Ну, я думаю, теперь мы сделаем договор на «Рубцова».

– Хорошо бы, пока жив еще... – сказал я.

– А ты что, помирать собираешься?

– Не я... Рубцов... Я 19 января имел в виду...

– Не... Так быстро договоры не делаются...

Договор на книгу «Николай Рубцов» в серии «ЖЗЛ», правда, без какого-либо участия Сергея Артамоновича Лыкошина, действительно заключили со мной только через десять лет после нашего разговора, но к воспоминаниям о Вадиме Валериановиче Кожиннове это уже не имеет отношения.

Интереснее другое...

Только несколько лет спустя я сообразил, что Вадим Валерианович сам, по-видимому, собирался писать для «ЖЗЛ» книгу про Николая Рубцова.

Я не знал этого и ввалился к нему со своей рукописью и просьбой поддержать ее в издательстве. Честно говоря, если бы я сам оказался в сходной ситуации, не знаю, как бы я поступил.

В.В. Кожиннов, если он, конечно, собирался писать про Рубцова, своим замыслом пожертвовал.

А может быть, это только мои домыслы...

Может быть, и не жертвовал он ничем...

Помню, когда в эти годы я звонил ему, Вадим Валерианович обязательно уточнял в разговоре, что он теперь не литературовед, а историк...

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

В октябре 1992 года Вадим Валерианович приехал в Санкт-Петербург.

Выступал он в нашем Доме писателя имени В.Маяковского, который – его сожгут только через год, чтобы выгнать писателей и продать здание – еще был цел тогда.

После вечера я пригласил Вадима Валериановича и Елену Владимировну к себе в гости. Вечер у меня на квартире удался, пожалуй, еще лучше, чем в Доме писателя.

Мы немного выпили, и Вадим Валерианович взял в руки гитару.

Поскольку за столом много говорилось о Рубцове, Вадим Валерианович решил показать, как пел сам Рубцов.

С разрешения Кожина я включил магнитофон, и пленка с записью этого импровизированного концерта сохранилась и вот уже столько лет продолжает пользоваться неизменным успехом среди моих знакомых.

Вадим Валерианович сопровождал пение комментариями, и получалось, что, перебирая струны гитары, он просто думает вслух...

Стихами Рубцова дело не ограничилось.
– А это кто? – спросил Кожин и запел:

*Это песня не нашего края,
И пластинки нигде не достать.
Эта песня такая глухая,
Даже слов невозможно понять...*

Стихи эти Юрия Кузнецова были общеизвестными, но когда присутствовавший на застолье поэт Геннадий Морозов воскликнул: «Это Юра Кузнецов!» – Вадим Валерианович искренне обрадовался, что в Санкт-Петербурге знают московских поэтов.

В тот вечер он спел еще одно стихотворение Ю.П. Кузнецова:

*За дорожной случайной беседой
Иногда мы любили блеснуть
То любовной, то ратной победой,
От которой сжимается грудь...*

И, видимо, потому, что время от времени я вставляю в магнитофон эту кассету и слушаю глуховатое, с хрипотцой пение Кожина, мне и кажется, что это последняя (а встречи и разговоры были еще и потом) наша встреча...

И это там, расставаясь с нами уже навсегда, и пел для нас Вадим Валерианович:

*С той поры за случайной беседой
Вспоминая свой пройденный путь,
Ни любовной, ни ратной победой
Я уже не пытаюсь блеснуть...*

**15-17 августа 2010 года
Санкт-Петербург – Комарово**

Николай Михайлович КОНЯЕВ

родился в 1949 году в поселке Вознесенье на берегу Онежского озера.

Автор книг: «Земля, которая помнит все», «Первые уроки»,

«Ненайденные клады», «Рассказы о землепроходцах»,

«О себе Ермак известие дал», «Пригород», «Марсиане»,

«Гавдарея», «У тихой воды», «Неудавшийся побег»,

«Гибель красных Моисеев», «Подвиг митрополита»,

«Путник на краю поля», «Ангел Родины», «Солженицын в обвале»,

«Аввакумов костер», «Великая северная ревизия» и других.

Романы и повести отмечались премией имени Василия Шукшина,

премией Андрея Платонова, премией ВЦСПС,

годовыми премиями журналов «Наш современник»,

«Молодая гвардия», «Север», «Студенческий меридиан».

